

Александр Тирэний

С Е П А Р А Т О Р

Приборку камеры, дело нетрудоемкое и недолгое, узник растянул на час. Не торопясь составил посуду в раковину, не торопясь смел ветошкой крошки со стола. Намылил треугольный кусок поролона, угол отслужившего срок матраца, протер стол. Выполоскал поролон, чуть отжал, согнал им мыло со стола. С лески, протянутой вдоль батареи, снял коленкоровую тряпичку, вытер стол насухо. Осмотрел его со всех сторон и под разными углами, то приседая, то поднимаясь на носки. Не понравилось.

Повторил обряд, начиная с намыливания поролона.

Посуду мыл с той же неторопливостью и с тем же тщанием. Чистую насухо вытер, составил в металлический шкафчик над раковиной. Набрал воды, в ведро, намочил в нем мешковину, протер пол. Мешковину выполоскал, повесил сохнуть. Грязную воду из ведра вылил в унитаз. Потянул цепочку. Вода с клекотом убежала вниз, оставив одну маленькую серую крупинку - крошку штукатурки. Опять потянул цепочку, смыл и серую крупинку.

Вымыл руки. Постоял, раздумывая чем заняться: книги сдал, газеты прочитаны, телевизор, по распорядку, не время еще смотреть. Лег на кровать поверх одеяла, полежал на спине, пока не одолела дрема, потом повернулся на бок, подтянул колени, зажал меж ними ладони - так теплее.

Проснулся от лязга дверных запоров.

В камеру вошел надзиратель - кобура расстегнута, рука на кобуре. Следом, комендант с гросбухом.

- Встать. Руки за спину. Лицом к стене.

Надзиратель приказал равнодушно, как и надлежит исполняющему обыденную и однообразную службу.

Узник послушно, но не торопясь, встал, заложил руки за спину, направился к стене.

Комендант вытряхнул из наволочки подушку, сдернул на спинку кровати одеяло. Простыни и полотенце втолкнул в наволочку, одеяло сложил вчетверо, подумал, перегнул еще раз и бросил на подушку. Сделал закорюку в гросбухе.

Пересчитал посуду в шкафчике, запер на ключ, опять сделал в своем гросбухе закорючку. Проверил на месте ли щетка, ^Щ тряпка, ведро, телевизор - и их сохранность отметил. Захлопнул гросбух, буркнул узнику:

- Прощайте.

Тот, не поворачиваясь, кивнул:

- Всего доброго.

- Готовьтесь. Через полчаса. - Добавил надзиратель и вышел вслед за комендантом.

Через полчаса, так через полчаса.

Узник не торопясь подошел к унитазу, помочился, вымыл руки. Глянул на спинку кровати, где прежде висело полотенце, и вытер распространенным при его отсутствии способом - зажав ладони под мышками.

← Через полчаса опять лязгнули засовы.

Тот же надзиратель, тот же бесстрастный тон:

- Руки за спину. Лицом к стене.

Настороженно глядя на узника, не снимая правой руки с расстегнутой кобуры, прошел к столу, оставил на нем ручку и плотно забитый текстом лист - инструкцию.

- Ознакомьтесь и распишитесь.

Узник внимательно прочитал инструкцию и стал расписываться под каждым пунктом, суть которых сводилась к следующему: при попытке к бегству оружие применяется без предупреждения, за побег - расстрел. На практике, надо добавить, не расстреливали, а отправляли в дома для умалишенных - считалось, что нормальный человек из-под стражи не побежит. Узник расписался, не дожидаясь команды заложил руки за спину и отошел к стене.

Надзиратель, не снимая правой руки с кобуры, левой сложил лист вчетверо, сунул в нагрудный карман. Достал пистолет, снял с предохранителя, распахнул дверь камеры настежь:

- Выходите.

Узник повернулся от стены, окинул взглядом камеру, в которой провел не так уж мало дней, чуть приметно улыбнулся прощаюсь. Уйдет он - и камеру тотчас продезинфицируют. Потом явятся штукатуры, маляры, и затрут, закрасят каждую щербину, каждую нечаянную царапину, подозревая в них скрытый смысл и информацию. И не останется от него ни следа, ни запаха, ни памяти. Вздохнул. Вышел в надзирательскую, обставленную той же мебелью и размером не больше камеры. Из надзирательской в коридор. Там надзиратель предупредил:

- Идите по середине коридора. По сторонам не смотреть. Не оборачиваться. Без приказа не останавливаться. В случае неповиновения - применяю оружие.

Узник бесстрастно выслушал предупреждение и угрозу, кинул прощальный взгляд на дверь с эмалевой табличкой "№ ХХ-в", двинулся по коридору.

В конце коридора огромное помещение, тесно заставленное медицинской и вычислительной техникой: Блок Идентификации.

Там их взвесили, измерили рост стоя и сидя, объем грудной клетки и длину стоп. Сосчитали зубы, взяли прикус и отпечатки пальцев. Исследовали состав выдыхаемого воздуха, провели анализ экскрементов. И так далее, и так далее, и так далее ...

Когда главный компьютер установил их идентичность со схемой, основанной на прежних обследованиях, надзиратель и узник получили взамен форменного – партикулярное платье и в изолированных кабинах оделись.

Узник застегнул все пуговицы, внимательно осмотрел себя в зеркале. Пригладил волосы, поправил воротник плаща, еще раз пробежал взглядом с головы до ног. Всё в порядке.

Сунул руки в карманы. Его запястья сейчас же охватили наручники, встроенные в плащ таким образом, что он не мог уже вытащить рук из карманов.

А в плаще надзирателя карманов не было вовсе. Слева лишь клапан. Справа под клапаном прорезь, но вела она не в карман, а к рукоятке пистолета, укрепленного на небольшой турельке на брючином ремне: чтобы не затекала рука при конвоировании.

Когда узник вышел из кабины, Начальник Охраны проверил, надежно ли скованы его руки, предупредил, что при попытке к бегству будет применено оружие.

Конвоир напомнил о бдительности, вручил опечатанный чемодан, в котором лежали униформа надзирателя, роба узника и две перфокарты – схемы для идентификации. Такие же перфокарты выдал конвоиру и открыл дверь в тамбур.

В тамбури конвоир вложил обе перфокарты в компьютер, контролирующий выходную дверь, через несколько секунд под потолком вспыхнула зеленая лампа, дверь раскрылась, и они вышли на улицу.

Шли долго, в другой конец города.

Навстречу то чаще, то реже попадались прохожие, такие же пары: один впереди, другой за его спиной. У идущего впереди обе руки в карманах, у следующего лишь правая, а в левой чемодан.

Иногда встречались не пары, а более численные группы: трое,

четверо, а то и пятеро идут руки в карманы засунувши, а один, следом, за ними, чемодан тащит. Или наоборот, у одного руки в карманах, а следом трое с чемоданом.

Цель их пути - ничем не примечательное здание серого бетона с решетками на окнах.

Узнику отомкнули наручники, у конвоира взяли чемодан, и обоих провели в Блок Идентификации, где повторилась ~~иная~~ известная процедура.

После идентификации их провели в Судебный Зал, просторную комнату, обставленную с официальной парадностью: по периметру диваны и стулья, с которых служители, готовя Зал к торжественной процедуре, снимали плотные чехлы. В углах, на подставках горшечки с петуниями и вазы с гвоздиками и нарциссами.

Конвойр и узник сошлись в центре Зала у небольшого аппарата, внешне похожего на домашний сепаратор для молока.

Через несколько минут из смежной комнаты с табличкой "Судья" грузно выдвинулся толстый, заплытый жиром человек со свисающим подбородком и обилием золотых нашивок на сюртуке. Молча, уставив бездушный рыбий взгляд меж их голов, подошел к сепаратору и опустил в него два шара: черный и белый.

Верхняя часть аппарата завращалась раскачиваясь, шари забрякали и немного секунд спустя выкатились: конвойру черный, узнику белый.

Судья зачмокал, собираясь что-то сказать, но сил не достало или желания, повернулся и, шумно отдуваясь, удалился.

Тотчас служители натянули чехлы на мебель, убрали цветы с подставок, выключили все освещение, кроме дежурного.

А конвойра и узника отвели в небольшие изолированные комнатки, двери которых были окрашены в цвет выпавшего каждому шара.

Узник открыл шкаф, достал из него форму надзирателя, оделся. Поверх мундира затянул ремень с кобурой, расправил складки. Осмотрел себя в зеркале, потрогал кобуру, поправил фуражку. Полюбовался.

В коридоре достал пистолет, снял с предохранителя, распахнул черную дверь и скорее предложил, чем приказал:

- Выходите.

Вышел прежний надзиратель, в робе узника.

- Руки за спину. Идти по середине коридора. По сторонам не смотреть. Не оборачиваться. Без приказа не останавливаться. В слу-

чае неповиновения - применяю оружие.

Недавний узник проговорил это спокойно, и даже нудновато, мол, служба не за страх и не на совесть, а так, чиновник на жалованье, исполняющий малоинтересную обязанность.

Шли до двери с табличкой "№ ХХ-в". За дверью такие же, как покинули, надзирательская и камера. Та же планировка и та же мебель что, по замыслу, должно облегчать ориентировку и ускорять адаптацию.

Захлопнулась дверь, лязгнул засов. Узник постоял у порога, огляделся. Всё знакомо. Всё копия той камеры, куда совсем недавно входил надзирателем. Правда, здесь сильнее пахнет краской и дезинфекцией. Не выветрилось еще.

Открыл форточку, постоял у окна. Прошел мимо стола, побарабанил пальцами по крышке. Остановился возле кровати, ~~надеясь~~ поверяясь, что ли, до обеда...

Еще раз окинул взглядом камеру: копия. Но в ту входил надзирателем...

Заперев дверь камеры, надзиратель застегнул кобуру, расстегнул верхние пуговицы мундира, лег поверх одеяла, закинул ноги на спинку кровати. До обеда полежит, отдохнет. А после обеда нужно вести узника в цех на работу. И себя тоже.

Это в те давние времена, когда надзирателей было меньше, чем узников, они лишь водили на работу и приводили обратно. Теперь не то, привел и сам становись рядом. Работают вместе и получают поровну.

Но все-таки надзиратель - не узник. Не тебя стерегут, а ты. И отношение к надзирателю другое: доверие оказали, оружие выдали. Конечно, шары - случайность. И в следующий раз, когда переведут на новое место или с другими в бригаду назначат, может выкаться не белый. Но до той поры...